

МОНАСТЫРСКИЕ ДЕТЁНЫШИ

Акад. Б. Греков

Вопрос о монастырских детёнышах, как видно из самого термина «монастырские детёныши», с первого взгляда имеет узкое содержание, касается только монастырей и только одной разновидности сельского трудового населения. Это, несомненно, так. Но тем не менее, если ближе присмотреться к этому явлению, оно предстанет перед нами в другом, несравненно более значительном смысле. Оно очень симптоматично. О монастырских детёнышах заговорили документы тогда, когда детёныши стали играть в монастырском хозяйстве очень заметную роль. Увеличение числа детёнышей связано с ростом монастырской собственной запашки, что в свою очередь вызывалось крупными изменениями в сельском хозяйстве всей Европы.

Хотя мы располагаем источниками, упоминающими о детёнышах главным образом от второй половины XVI в., тем не менее нет оснований отрицать наличие детёнышей и в первой половине этого века.

В материалах Волоколамского монастыря детёныши упоминаются уже в 1547 году (более ранних книг не сохранилось). Расходные книги Ипатьевского монастыря говорят о детёнышах в середине XVI века¹.

Конечно, детёныши возникли не в 1547 г. Они были и до этого.

Литература о детёнышах невелика. Кроме исследования М. А. Дьяконова, других специальных работ по этому вопросу нет. Имеются замечания иеромонаха Арсения, А. А. Спицына, А. П. Доброклонского, Н. А. Рожкова и в самое последнее время появились высказывания М. Н. Тихомирова.

Иеромонах Арсений в своей специальной статье о слугах Троицко-Сергиева монастыря мимоходом касается и вопроса о детёнышах. «Что касается детёнышей, — пишет он, — то это, кажется, были круглые сироты, монастырских крестьян дети», попадавшие в монастырь во время «несчастливых годин»². Это определение далеко не исчерпывает вопроса. Впрочем, автор и не задавался целью разрешить его полностью.

А. А. Спицын считает детёнышей бобылями³. А. П. Доброклонский в своей работе «Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII в.» останавливается и на вопросе о детёнышах. По его мнению, это люди, живущие на монастырских работах, отличающиеся по своему положению и от монастырских слуг и крестьян. «Детёнышей, — пишет он, — встречаем на разных работах в монастыре и в монастырских сёлах — один на стороже, другие бегауля, — третьи живут во дворах и пахнут на монастырь землю... Может быть, это были безродные сироты, приёмышы, воспитанные монастырём. Различаясь на первых порах, они, вероятно, с течением времени (при известном возрасте, семейном и эко-

¹ Лихачёв Н. Отрывок из расходных книг Костромского Ипатьевского монастыря. Сборник Археологического института. Т. VI.

² Иеромонах Арсений. Доклады, грамоты и другие акты Троицкого Сергиева монастыря о служках. «Чтения Общества истории и древностей российских», кн. 3-я за 1867 г., стр. 8, прим. 21.

³ Спицын А. «Земля и люди на Вятке», стр. 18; его же «Оброчные земли на Вятке», стр. 36.

номическом положении) верстались по желанию в рядовые крестьяне или сливались с монастырскими слугами, с которыми сами сходились и по положению... Кажется, иногда они сохраняли своё прежнее прозвание детёныша и тогда, когда достигали зрелого возраста и имели взрослых детей и зачислялись в крестьянскую общину»¹.

Нельзя сказать, что автор разобрался в сущности этого общественного явления: детёныши у него то отличаются от монастырских слуг, то «сходятся» с ними по своему положению, часть детёнышей — только по имени детёныши, а на самом деле тяглые крестьяне.

Н. А. Рожков, не занимаясь специально вопросом о детёнышах и ссылаясь на исследование М. А. Дьяконова, в своей книге «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» отмечает: «Холопам светских лиц соответствовали в монастырских имениях слуги и детёныши»². Как Н. А. Рожков понимал это «соответствовали», видно из другой, более поздней его работы — «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. и его влияние на социально-политический строй того времени», — где он прямо говорит: «Землевладельческая барская пашня разрабатывалась или трудом холопов, которым в монастырских имениях соответствовали так называемые детёныши — те же несвободные земледельческие рабочие — или барщинной работой крестьян»³.

Слуг Н. А. Рожков отсюда выделяет. «Монастырские слуги, — пишет он, — впрочем, представляли из себя нередко состояние, приближавшееся по значению к помещикам на царских и митрополичьих землях. Что касается детёнышей, то надо заметить, что они никогда не были арендаторами, никогда не пахали землю на себя, а всегда обрабатывали монастырскую пашню»⁴.

К сожалению, Н. А. Рожков, ссылаясь на Дьяконова, разошёлся с ним очень серьёзно, но не дал себе труда ни разобрать высказывания Дьяконова, ни обосновать свои взгляды.

Между тем М. А. Дьяконов приводит неопровержимые доказательства того, что детёныши не были холопами даже и тогда, когда они не являлись наёмными работниками на срок. Он признаёт одну прослойку детёнышей, которых называет крепостными; но и крепость эту он объясняет не состоянием детёныша как такового, а тем, что эти дети крестьянских и бобыльных детей и «крепки по своему крестьянству или бобыльству, т. е. на тех же основаниях, на которых создавалась крестьянская крепость». «По общему правилу, — совершенно справедливо замечает М. А. Дьяконов, — церкви и монастыри в московское время рабами не владеют»⁵.

Что касается монастырских слуг, то и сам Рожков говорит, что они похожи на помещиков: они сами владеют холопами и крестьянами.

Соответствие детёнышей холопам надо понимать не так, как понимает Н. А. Рожков, а в том смысле, что в монастырских хозяйствах детёныши заменили собой труд холопский, который шёл на убыль и в светских вотчинах и энергично заменялся более производительным трудом крестьян и временных работников, поступавшим к своим хозяевам не на рабских условиях.

Необходимо различать хозяйства более отсталые в своей организации от лучше приспособленных к требованиям жизни, каковыми и были хозяйства монастырские, поэтому нельзя суммарно и огульно говорить о вотчинах вообще. Между тем у Н. А. Рожкова этот грех, несомненно, имеется. Обращаясь к писцовым книгам по Троицко-Сергиевым вотчи-

¹ Доброклонский А. «Солотчинский монастырь», его слуги и крестьяне в XVII веке». «Чтения Общества истории и древностей российских» за 1888 г., стр. 33—34.

² Рожков Н. «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.», стр. 141. 1899.

³ Рожков Н. «Исторические и социологические очерки», стр. 56. 1906.

⁴ Ссылка на Дьяконова. Указ. соч., стр. 306—307.

⁵ Дьяконов М. Указ. соч., стр. 307.

нам 1592—1594 гг., автор пишет: «Сохранившиеся писцовые книги Троицких вотчин 1592—94 гг. дают почти для каждого уезда известное число дворов служных, холопских и детёнышевых: в Переяславле-Залесском считалось 9 слуг и 10 холопов, в Московском 7 дворов детёнышей и 6 холопских»¹. Эти цифры, собственно говоря, ничего не дают, так как они слишком общи, как и ссылки автора на данный источник.

Если же подойти к писцовым книгам внимательнее, то нетрудно разглядеть в них более интересные явления. Людские дворы, если под ними понимать дворы холопские, имеются не непосредственно у монастырей, а лишь у монастырских слуг, собственно говоря, у монастырских помещиков, или же в вотчинах богатых монахов или монахинь, постригшихся по тем или иным мотивам, но не порвавших связей с миром и прежде всего со своей землёй. Вот, например, «дер. Васильева-Постникова за старицею за княгинею за Федорою за Одоевскою, а в ней дв. людской» или «дер. Ошеркино... за старицею за Маремьяною за Заболоцкою, а в ней 2 дв. людских, да место дворовое; пашни паханные 9 четьи, да перелогу 7 четьи»... «В той же в Кинельской волости — деревни, а в них живут Троецкие Сергиева монастыря слуги... Дер. Неверцова, Сворцово тож, а в ней дв. монастырского слуги Фёдора Тороканова, да 2 дв. людских, да 8 мест дворовых... Дер. Ларино... за слугою монастырским за Иваном за Торокановым, а в ней дв. Иванов, да двор людской, да 14 мест дворовых» (большая пустота — следы недавнего разорения)².

Монашескую пашню пашут всегда либо крестьяне либо детёныши, которых холопами считать никак нельзя.

М. Н. Тихомиров остановился на вопросе о происхождении и правовом положении детёнышей. О происхождении детёнышей автор мимоходом высказал предположение, что они вербовались из «вольных гулящих людей». На этот вывод навело автора упоминание в документах Волоколамского монастыря «детёныша-казака»³.

На вопросе о правовом положении детёнышей автор останавливается довольно подробно. Он приводит материалы, говорящие о «прихожих» детёнышах, которым платятся деньги за работу. «Дано двум детёнышам прихожим наугородням... по 10 алтын, делали пять недель в монастыре» (20 июня 1579 г.). «Дано прихожему детёнку Иванку Иванову сыну наугородцу 5 алтын, жити ему до Покрова в детях» (1 августа 1579 г.). Здесь слово «дети», или «детёныши», замечает автор, порою так же мало обозначало людей юного возраста, как и утвердившийся термин «дети боярские»⁴.

Для решения вопроса о детёнышах очень большой и важный материал даёт «Книга ключей и оброков Иосифова Волоцкого монастыря 1547—1560 годов», отысканная М. Н. Тихомировым в 1928 г. в Волоцком монастыре⁵.

В книге с исчерпывающей полнотой, как ни в одном из до сих пор известных документов, приводится из года в год перечень всего обслуживающего монастырь персонала, в том числе и детёнышей.

Тут же попутно разбросаны интересные замечания, часть которых уже и была использована М. Н. Тихомировым в его статье «Монастырь-вотчинник».

Мне хочется взять из «Книги ключей» то, что может, на мой взгляд, если не разрешить вопрос окончательно, то, несомненно, приблизить его

¹ Рожков Н. «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.», стр. 142.

² Писцовые книги, издаваемые Географическим обществом, отд. I. Ч. 1-я. стр. 816, 825 и др.

³ Тихомиров М. «Монастырь-вотчинник XVI в.». «Исторические записки» № 3, стр. 149.

⁴ Там же.

⁵ С разрешения М. Н. Тихомирова, который подготовил этот ценный источник к печати, я имел возможность ознакомиться с этим источником, за что и приношу большую благодарность.

к окончательному разрешению. Несколько раз в «Книге ключей» упоминается «детин дворец», или «детина изба»¹. Под 1 июля 1554 г. в книге записано: «...дано Быку, которой за детьми ходит за 10 месяцев за прошлую от Покрова лета 7062 10 алтын и впредь от июля первого числа до Покрова лета 7062 гривна». Бык — это начальник детинной избы². Отсюда вывод — «дети» живут в особом помещении под наблюдением специально для этого поставленного лица.

Та же «Книга ключей» даёт нам возможность понять, и кто именно живёт в этом «детинном дворце», и на каких условиях живут эти «дети» в монастыре и, в конечном счёте, кто они сами.

Каждый год «детям» выплачивают заработную плату. Обычно они получают годичную плату. Но среди «детей» попадаются и более кратковременные обитатели «детинного дворца». Например, на Покров 1559 года казначей, как обычно, раздавал «оброк» (так называлась в монастыре заработная плата. — Б. Г.) «детем и плотником и истопником и дворником». Тут перечислено поимённо 36 «детей»³. О некоторых сказано, что они живут в «детях» не полный год: «Лёвке Гаврилову сыну от Троицына дня до Покрова пол—4 алтына; порука плотник Козёл Еремийн сын», или: «...дано детёнку Коняшке Митину сыну 4 алт. 2 ден. на 4 месяца, от июня 1 числа до Покрова св. Богородицы, а порука по нём слуга Нестер»⁴.

В перечне получавших заработную плату детёнышей 1548 г. назван детёныш Медведь Карпов: «Медведю Карпову 4 алт. 2 ден., а порука по нём отец его Карп; до Покрова»⁵. Ему дана значительно меньшая сумма, чем его соседям по списку (10—10½ алт.), потому что он работал не весь год, а гораздо меньше. Причём и поступал он на работу только до Покрова. Мы имеем возможность убедиться в том, что, получив свою заработную плату, он на следующий сезон не остался: в списке 1549—50 года его действительно уже нет.

В записи 1547 г. читаем: «Андрюшке Яковлеву сыну, Харьке Микифорову сыну... дали им от Ильина дни до Покрова по 2 алтына»⁶. «Куземке Переходу... от Филиповых заговорен»⁷, «Иванку Горохову... от Филиповых заговорен»⁸. Таких отметок о пребывании в детёнышах на срок, меньший года, имеется несколько.

«Книга ключей» позволяет произвести наблюдения и более широкого масштаба. Благодаря тому, что она из года в год даёт полный перечень детёнышей, мы можем составить себе представление не только о количестве детёнышей в монастыре, но и о степени устойчивости кадров этой категории монастырских работников.

Следующая таблица, составленная на основании данных «Книги ключей», достаточно в этом отношении показательна⁹. (См. табл. на стр. 78.)

В списке детёнышей 1559 г. попадают люди, бывшие в более старых списках 1547, 1549, 1550, 1553, 1557, 1558 гг., больше всего — последних двух—трёх лет. Некоторые из детёнышей попадают в списках 1547, 1549 гг., исчезают в 1557 г. и снова появляются в 1559 году.

¹ Там же упоминаются избы: гостиная, служная, конюшенная, портная, сапожная, кузничный дворец и т. п., л. 15 об. и др.

² Книга ключей, л. 111.

³ По подсчёту казначей несколько больше. Возможно, что имена некоторых «детей» не внесены в книгу. Я считаю только записанных поимённо.

⁴ Книга ключей, л. 174.

⁵ Там же, л. 17 об.

⁶ Там же, л. 3 об.

⁷ Там же, л. 3.

⁸ Там же, л. 2 об.

⁹ Таблица требует значительных уточнений. Соотношение между новым и старым составами детёнышей в данной таблице приблизительное, но достаточное для моих выводов.

Годы	Общее число детёнышей	Из них:	
		старых	новых
1547	53	—	—
1548	44	24	20
1549	52	27	25
1550	47	25	22
1551	52 (не все известны)	39	13
1552	37	29	8
1553	63	33	30
1554	(сведений нет)	—	—
1555	64	32	32
1556	48	22	26
1557	42	21	21
1559	36	23	13

Детёныши по размеру заработной платы делятся на несколько категорий: по 4 гривны (наиболее многочисленная группа) в год получает высший разряд, дальше идут меньшие расценки — 13, 12, 11½, 11, 10, 9 и 6 алтын.

Подвижность состава детёнышей, разные сроки их пребывания в монастыре ясно говорят нам, что мы имеем дело не с постоянной, а достаточно текучей массой монастырских работников.

По заведённому в монастыре обычаю, каждый поступающий на работу должен был дать за себя поручителя: все детёныши имеют поручителей; кто — отца, кто — дядю, кто — знакомых. А те, кому трудно было найти поручителя, брались на поруки самим дворецким, очевидно, для того, чтобы не упустить работника. Гришу Наседку и Юру Гридина на поруки «взял Фома дворецкой»¹. Другого способа удержать за собой наёмного работника, очевидно, у монастыря в это время не было. И это было средством достаточно сильным: в приходной книге того же монастыря 1573 г. под 9 мая отмечено: «Взято на детёныше на Трешке оброку (т. е. взыскана заработная плата) 12 алт. 3 д.; а платил деньги порутчик его Васька Захаров сын, стрелец, потому что Трешка пошел прочь, а полугоду не дожил»².

М. Н. Тихомиров уже отметил в своей работе, что детёныши — самая многочисленная группа монастырских работников. Они составляют больше 30% всех работников в монастыре. Но это не самая квалифицированная часть работников. Заработная плата им идёт ниже, чем, например, плотникам или бочарникам. Если максимальная плата детёнышу 4 гривны (80 денег), то плотники и бочарники получают по полтине (100 денег). Правда, есть категории работников, получающих ещё меньше, чем главная масса детёнышей: сторожа лесные получают по 50 денег, даже — по 40 денег.

За трапезой им отводится одно из последних мест: плотники большие, кузнецы, «дети, сиречь делавцы чёрные» (на полях рукописи разъяснение: «детёныши»), за ними идут: истопники, ворётники и сторожа.

М. Н. Тихомиров на основании своих наблюдений приходит к заключению, что «большинство детёнышей и других ремесленников, несомненно, принадлежало к зависимым монастырским людям», которые, однако, как явствует из дальнейшего суждения автора, были вольны уйти из детёнышей до срока, уплатив полученные деньги»³.

В чём именно заключается эта зависимость, автор не разъясняет: вы-

¹ Книга ключей, л. 173.

² «Исторический архив». Т. II, стр. 63.

³ Книга ключей, л. 174 об., 176.

водит он её из факта получения детёнышем платы за свой труд (по терминологии «Книги ключей», — «оброк») ¹.

Но получение платы за свой труд ещё не создаёт зависимости. Требование поручителей за каждого детёныша, конечно, продиктовано желанием стеснить свободу детёныша, но это требование в то же время свидетельствует, что другого средства удержать за собой детёныша на определённый срок в распоряжении монастыря не было.

По выполнении срочного обязательства «зависимость» прекращается. Очень вероятно, что детёныш может уйти и до срока, но тогда он или его поручитель должны выплатить монастырю известную сумму денег. Возможно, что детёнышу иногда выдавалась некоторая часть заработной платы вперёд. На это как будто намекает выше процитированная запись в Приходной книге 1573 г. о взыскании с поручника стрельца Васьки Захарова денег за неисправного детёныша Трешку, «потому что Трешка пошёл прочь, а полугоду не дожил» ².

Трешка не «бежал», а «пошёл». А за него расплатился его поручитель. Вот это обязательное поручительство при поступлении в детёныши действительно создавало некоторую степень зависимости, которая в феодальном обществе обычно требовалась при поступлении на работу. Но зависимость эта, надо сознаться, очень относительна.

М. А. Дьяконов, которому принадлежит наиболее обстоятельный труд о детёнышах, совершенно определённо говорит о найме детёнышей, ссылаясь при этом на память 1618 г. архиепископа вологодского и великопермского Макария своему сыну боярскому Бебехову. В памяти написано: «А пахати ему то село и наймовать детёнышев в лето человек трёх или четырёх, смотря или смета по семянам и по пашне; а наймовать ему в лето детёнышев, свестясь вместе с Василием Кобылиным (приказчиком)». Тут же автор приводит и отписку 1618 г. приказчика села Стефановского тому же архиепископу, свидетельствующую о том, что архиепископ вологодский давал свои распоряжения о найме детёнышей и по другим своим сёлам. «Да велел ты, государь, мне холопу твоему приговаривати людей в детёныши 6 человек; и яз, холоп твой, приговорил трёх человек: старого коровника Оську, да брата его Гришку, да бобыля твоего, государь, Сёмку с нынешнего числа 5 (марта), да по Дмитриев день Селунского 126 году; а иных государь, припытываю ж; а договор они со мною чинили в наймах, как в иных, государь, твоих сёлах в Ивановском — деньги и хлеб; и они, государь, просят денег половины ныне, а хлеб, государь, яз сулил им мешной, по твоему государеву приказу; и у меня, государь, здесь казённых денег нет, что им давати; а приговариваю, государь, ныне с сего числа потому, чтобы инде они не ульнули» ³.

Следовательно, как правило, заработная плата детёнышу выдаётся после выполнения работы, а не вперёд. В данной обстановке приказчик нарушил правило, чтобы не упустить нужных ему работников.

М. А. Дьяконов, отметив как очевидный вытекающий отсюда факт, что детёнышей нанимают, делает замечание: «С толь странный (разрядка моя. — Б. Г.) на первый взгляд факт отнюдь не является, однако, исключительным или только местным. В расходных книгах костремского Ипатьевского монастыря половины XVI в. отмечены выдачи наёмной платы монастырским детёнышам за целый год» («От збора до збора на год детёнышу Гаврилку Фёдорову дано найму 7 алтын... От Евдокеина дни до Евдокеина дни на год детёнышу Первушке Иванову дано на год

¹ Тихомиров М. «Монастырь-вотчинник XVI в.». «Исторические записки» № 3, стр. 149—150.

² Тимофеев Н. «Крестьянские выходы конца XVI в.». «Исторический архив». Т. II, стр. 68.

³ Дьяконов М. «Очерки из истории сельского населения», стр. 301 (разрядка Б. Грекова).

найму 7½ алт.») ¹. О найме детёнышей говорят и документы казанского Илантова монастыря ².

Первое удивление М. Дьяконова по мере привлечения новых материалов начинает проходить, и он делает уже без всяких колебаний свой вывод: «Итак, несомненно, что детёныши или наймиты составляли довольно распространённое явление хозяйственной монастырской жизни» ³.

Но тут же возникает и другой вопрос: почему одна из многочисленных категорий наёмных людей выделена и обозначена особым именем детёнышей?

«Памятники, — пишет Дьяконов, — говорят о наймитах страдных, наймитах для пашни, наймитах монастырских, летних, работных наймитах, наёмных казаках, наёмных ярыжных или ярыжках и проч.». Отвечает на этот вполне законный вопрос он так: «Детёнышами назывались только такие наймиты, которых нанимали или специально для подмоги наличному контингенту детёнышей в собственном смысле, или для выполнения тех работ, какие в обычном порядке исполнялись этими последними». Иначе говоря, автор признаёт две категории детёнышей: детёныши в собственном смысле и детёныши, нанятые им в помощь. Если вторая категория — люди наёмные, то первая — крепостные. Разъясняя далее свою мысль, автор говорит, что в состав крепостных детёнышей входили: осиротевшие крестьянские и бобыльские дети, обедневшие крестьяне и бобыли. Наёмные детёныши вербовались из вольных людей и из крепостных крестьян и бобылей (своих и чужих) ⁴.

В этой классификации детёнышей, на мой взгляд, не всё благополучно. В самом деле, неужели же крестьянские или бобыльские дети не могли заниматься на ту или иную временную работу? А если могли, то все они на тот период времени, на какой они нанялись, и будут наёмными людьми. Что же касается их социального положения, то это другой вопрос.

М. А. Дьяконов приводит несколько фактов, правда, более позднего времени, о найме в детёныши детей крестьянских. В переписных Арзамасских книгах 1676 г. за Спасским монастырём показаны «работники в розных службах (32 человека)... А те работники и на конюшенном дворе, детёныши того ж монастыря крестьянские и бобыльские дети» ⁵. По переписным Белозерским книгам 1678—1679 гг., за череповским Воскресенским монастырём «живут монастырские детёныши... крестьянские дети» ⁶. Среди этих детёнышей есть люди, попавшие в монастырские работники разными путями: часть из них — сироты, попавшие в монастырь «после отцов и матерей в малых летех», есть и навербованные на работу люди. Конечно, зажиточный крестьянин не отдаст своих детей в наймы: в работники попадали дети «за скудостью» ⁷ своих отцов. Но всё же детёныши, от каких бы отцов они ни происходили, пока они в наймах — детёныши, а окончится их срок, они перестают быть детёнышами, возвращаются в своё прежнее состояние.

М. А. Дьяконов сам говорит о крепостных детёнышах, что они «были крепкий по своему крестьянству или бобыльству, т. е. по тем же основаниям, на которых создавалась крестьянская крепость». Они заносились в переписные книги со ссылкой на их происхождение. «Но в тех же кни-

¹ Лихачёв Н. Отрывок из расходных книг костромского Ипатьевского монастыря. Сборник Археологического института. Т. VI, стр. 7.

² Перетяткович Г. «Поволжье в XVII в.», стр. 93, 117; А. И., I, № 191. 1574 г.

³ Дьяконов М. Указ. соч., стр. 302.

⁴ Дьяконов М. Указ. соч., стр. 303.

⁵ Замысловский И. Извлечения из переписных книг, стр. 8.

⁶ Там же, стр. 232, прим. I.

⁷ Арсений, иеромонах. Доклады, грамоты и другие акты Троицко-Сергиева монастыря. «Чтения Общества истории и древностей российских», кн. 3-я за 1867 г., стр. 8, прим. 21.

гах упоминаются ещё детёныши иного рода, — продолжает М. А. Дьяконов, — для доказательства прав на них писцы требовали представления крепостей».

А раз это так, делает вывод автор, то существовала ещё одна разновидность детёнышей, — это «детёныши-порядчики в отличие от детёнышей старинных и наймитов»¹.

Мне кажется, что нет оснований для того, чтобы устанавливать так много разновидностей детёнышей. Если дети крестьян и бобылей закреплены за владельцами, которым крепки их отцы, то их временное пребывание в детёнышах не меняло их правового положения, подобно тому как не менялось правовое положение крестьянина, отпущенного помещиком на оброк в город, где он мог наниматься, когда находил полезным и возможным. Детёныш-порядчик — это человек, поступивший на работу через формальный договор. Устное ли произошло соглашение или заключён письменный договор, от этого юридическая природа детёныша не меняется. Вопрос не в форме, а в содержании договора.

Наконец, сам М. А. Дьяконов приходит к выводу, в значительной степени уничтожающему его сложную классификацию. «Эти группы детёнышей, — пишет он, — различаются между собой лишь по способу зачисления их в состав монастырских детёнышей»².

Но если можно возражать против устанавливаемых М. А. Дьяконовым многочисленных видов детёнышей и сделать попытку несколько упростить вопрос, то всё же нельзя не согласиться с М. А. Дьяконовым в том, что есть детёныши, живущие в монастырях действительно с детства, по многу лет, и есть детёныши, нанятые на определённую работу недавно. Между первыми и вторыми, несомненно, была бытовая разница. Первые монастыри склонны были рассматривать как своих старинных детёнышей, во вторых видели временную рабочую силу. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных, позволяющих установить правовое различие между этими двумя бытовыми группами детёнышей.

Место и роль детёныша в монастырском хозяйстве М. А. Дьяконов изобразил очень ярко. 1. Они прежде всего и чаще всего пашут монастырскую пашню («а в нём (починке Борок) живут монастырские детёныши для монастырские пашни»). На себя они никогда не пашут. 2. Есть детёныши беспашенные. Это ремесленники: епанечники, кожевники, кошохи, батраки, мельники, поваренные детёныши, застольные детёныши и, наконец, просто работники, которыми монастыри пользуются для всяких поручений. Все они кормятся за счёт хозяина и кроме того получают за свой труд деньги.

Несомненно, при большом разнообразии хозяйственных задач монастыря не может быть и речи о каком-либо однообразии в хозяйственном назначении детёнышей. Их нанимают для выполнения тех или иных работ, считаясь с их выучкой, если она у них была, чаще всего — на полевые работы.

В писцовой книге времени царя Фёдора Ивановича по Московскому уезду, можно сказать, не было монастырской вотчины, где бы ни упоминались детёныши, всегда с обозначением, что они пашут монастырскую пашню, которая систематически противопоставляется пашне крестьянской. Например: «Сельцо Никоново, а Никольское тожа, на речке на Выходне Фёдоровские вотчины Иванова сына Хобарова; а в сельце монастырском пашни монастырские добрые земли 6 четы, пашут монастырские детёныши, да крестьянские пашни 4 четы, да лесом поросло 48 четы в поле, а в дву потому ж, сана 150 копен».

¹ Писцовые книги XVI в. Ч. 1-я, стр. 60; ср. стр. 68, 82 и др. Изд. Географического общества. отд. I.

² Дьяконов М. Указ. соч., стр. 303—305.

Иногда детёныши пашут наездом: «Пустошь, что было сельцо Назаровское на речке на Вскходне; пашни паханные наездом на монастырь детёныши пахали середние земли 7 четви, да лесом поросло 47 четви в поле, а в дву потому ж, сена по р. по Вскходне 100 копен»¹.

Обычно монастырская земля так и распределялась: 1. «Пашня паханая, что пашут детёныши на монастырь». 2. «Крестьянская пашня». 3. «Пашня наезжая, которую иногда пашут из найму» (сданная в аренду).

Детёныши называются иногда «воловиками»². «Да под Троецким под Сергиевым монастырём монастырские пашни паханные середние земли, пашут воловики монастырские, 350 четви... Тут же ещё два раза употреблён тот же термин. А при подведении общих итогов они же названы детёнышами: «А по старому письму ...пашни паханы середние земли, что пашут на монастырь детёныши — 390 четви... а монастырские пашни, что пашут детёныши на монастырь середние земли убыло 40 четви». Стало быть, 350 четви, которые пахали воловики, — это те самые, которые обозначены в этих же итогах детёнышами»³.

В писцовой книге 1592—1593 гг. по Переяславлю-Залесскому называются детёныши Троице-Сергиева монастыря, которые на монастырь косят сено⁴. Но что бы детёныши ни делали, они всегда работают не на себя, а на монастырь.

Возникают совершенно естественные и неизбежные вопросы, почему детёныши встречаются только в монастырях, почему их нет в светских вотчинах, почему они появляются как работники на монастырской пашне довольно поздно. На все эти вопросы едва ли можно дать точный ответ.

В монастырях издавна скоплялось значительное количество народа, или не находившего себе применения в других местах или связанного с монастырём как с учреждением специфическим. Мы могли наблюдать это явление ещё в киевское время. В уставе великого князя Всеволода о церковных судах и о людех и мерилах торговых 1125—1136 гг. мы уже видели довольно значительный перечень людей церковных: «игумен, игумень, поп, диакон и дети их, попадья, чернец, черница, проскурница, поломник (в другом варианте — пришлец), свещегас, сторонник, сленец, хромец, вдовица, пущенник, задушный человек, изгой». Прибавим на самом законном основании «и дети их» (конечно тех, кто имел право иметь детей)⁵. В более поздних источниках неоднократно встречаем при описании монастырей многочисленные кельи, в которых живут «нищие», питаясь от церкви божьей⁶.

Но мы хорошо знаем, что весь этот приютившийся в монастыре, или, вернее, около монастыря, люд жил там не даром. Владимирский собор 1247 г. имел в виду совершенно конкретные факты, когда вынес постановление о запрещении слишком сильно эксплуатировать нищих («от нищих насиле деюще или на жатву или на сеносечи или провоз деяти или иная некая»). На одной купчей грамоте Кирилло-Белозёрского монастыря 1435—1447 гг. имеется собственноручная подпись нищего Ильи («А грамоту писал нишой Илья»). В одном из докладов 1651 г. имеется очень интересное указание: «Да после Московского разоренья прислано в Троицкий монастырь с Москвы на корм бедных разорённых детей боярских

¹ Дьяконов М. Указ. соч., стр. 303—305.

² Воловики упоминаются также на стр. 286. Примечание. Тут же помещена цитата: «дв. воловика, 3 дв. детёнышей», из чего как будто вытекает, что воловик с детёнышем не смешиваются. Но из вышеприведённого текста явствует другое.

³ Писцовые книги XVI в., стр. 82—83.

⁴ Там же. стр. 842.

⁵ Владимирский-Буданов М. Хрестоматия. Вып. I, стр. 245. 1899.

⁶ Писцовые книги XVI в. Ч. 1-я, стр. 76, 279, 611 и др.

и недорослей, а иных свезли из Троицких вотчин, у которых отцы и матери посечены, остались сиротами и тех было человек с 600, и кормили их за столом. И как учинились в возрасте, и те ныне в Троицком монастыре в слугах и в служебниках»¹. В расходной книге Солотчинского монастыря упоминаются «конюшенного двора безродные сироты... которые посылаются во всяких посылках и в вотчины и за лошадьми». За Чудовым монастырём жили детёныши, взятые «после отцов и матерей в малых letech». В Вознесенском девичьем монастыре жили работники, взятые «за сиротством и за скудостью из крестьян для монастырской скотины»². В Соловецком монастыре, согласно житию Зосимы и Савватия и новгородским грамотам XV в., встречаются «корельские дети». В грамоте Соловецкому монастырю 1636 г. читаем: «И которые де трудники в молодых letech на монастырских огородах тружуются, а тех кормят и зиме держат в монастыре; а за монастырём кельи особые им не устроены...», «А которые трудники в Соловецком монастыре в молодых letech тружуются на монастырских огородах и в иных службах, и тем бы трудником келью велели устроить и кормить их за монастырём особо»³. Несколько сот трудников было в Соловецком монастыре и в XX веке.

Монастырские дети или детёныши, таким образом, действительно являются спецификой монастыря. Светские вотчинники не располагали такими кадрами. Вот почему источники знают только монастырских детёнышей. Светские вотчинники тоже пользовались наёмным трудом, но своих наёмных работников они не имели никаких оснований называть детёнышами, так как это терминология чисто монастырская⁴.

На вопрос, почему писцовые книги заговорили о монастырских детёнышах довольно поздно, несмотря на то что само явление очень немолодое, можно ответить так: заговорили потому, что в жизни монастырей с определённого времени детёныши стали играть очень заметную роль, более заметную, чем раньше. И это явление находит себе объяснение в изменениях, какие переживало сельское хозяйство в России и в других странах Европы. Оно возникло вместе с появлением собственной монастырской пашни и ростом её удельного веса.

Тут может быть использовано замечание Н. А. Рожкова. Когда землевладельцы светские и духовные почувствовали необходимость увеличить производство хлеба, они оказались не в равных условиях; в распоряжении монастырей оказалось больше рабочих рук для обработки монастырских полей, и монастыри использовали этот ресурс, заставив «детей» пахать монастырскую пашню. А затем и вновь привлечённые на эту работу люди стали называться детёнышами. Монастыри использовали не только рабочую силу, но и термин, родившийся в монастырской обстановке.

Привлекая своих детёнышей на свою пашню, монастырь имел ещё одну выгоду. Он мог смело и точно утверждать, что для обработки своей земли он не отвлекает плательщиков государевых податей — крестьян, а свою землю на себя, на собственный обиход, «панет собою».

Правительство резко различало эти два способа обработки собствен-

¹ Арсений, иеромонах. Доклады, грамоты и другие акты о службах Троицкого Сергиева монастыря. «Чтения...», кн. 3-я за 1867 г., стр. 3—4.

² Дьяконов М. Указ. соч., стр. 299.

³ Досифей, архимандрит. Описание Соловецкого монастыря 1853 г. Ч. 1-я, стр. 267 (разрядка моя. — Б. Г.).

⁴ В светских вотчинах детёнышам, быть может, соответствуют «вскормленники» и «вигдённыши», которых светские землевладельцы считали своими крепостными. Порядок 8 декабря 1640 г. Рукопись Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Шедрина; Дьяконов М. Акты тяглого населения № 25, 46. Обручева-Анциферова Т. Жилые записи. ЖМНП № 2 за 1917 г., стр. 257, отд. II, прим. 1.

ной монастырской пашни. Крестьян оно облагает податями, детёнышей не облагает.

В 1586 г. по челобитью печерского Псковского монастыря царь Фёдор Иванович освободил монастырскую пашню от тягла на том основании, что она обрабатывается не крестьянами, а пашут её «собою». Тому же монастырю удалось освободить и другую свою пустошь на том же основании. Троицкий монастырь находился в таком же положении. В приправочных книгах 1594 г. сказано: «А платити им государевы подати с живущего с 11 четь, oprичь того, что пашут детёныши». В 1598 г. царь Борис Фёдорович пожаловал Троицкий Сергиев монастырь: «...велел государь тое монастырскую пашню живущую и с тем, что пашут детёныши на монастырь в Московском уезде и в иных городах обелить и из сошного письма выложить... а крестьянские пашни и служни со все, которую пашню крестьяне и служки пашут на себя, посошные люди и денежные доходы и всякие мелкие разметы по сошному разводу велел государь имати по прежнему», «Пахать на монастырь пашня своими детёныши, а крестьян на той на обельной земле не сажать»¹.

Согласно этому постановлению, последовало распоряжение о точном разделении монастырской земли на две категории: на пашню крестьянскую и пашню на монастырь, «что пашут детёныши»².

При решении вопроса о соотношении различных видов эксплуатации монастырской земли необходимо иметь в виду общий план монастырского хозяйства. Крупные монастыри, владеющие огромными пространствами земли, разбросанной во многих и часто далеко друг от друга отстоящих местах, заводили свою собственную пашню в тех или иных размерах по соображениям, нам неизвестным. Вероятно, тут принимались во внимание и качество земли, и удобства путей сообщения, и многое другое. Поскольку нам эти мотивы неизвестны, мы не можем и объяснить столь различное соотношение различных видов эксплуатации монастырской земли.

В конце XVII в. детёныши вместе с другими, до сих пор не платившими податей категориями земледельческого населения, были положены в тягло. Пётр Великий завершил начатое до него дело.

Общий вывод относительно детёнышей напрашивается сам собой:

1. В монастырских хозяйствах в момент возникновения и расширения собственной запашки были использованы люди, с детства попадавшие на иждивение монастырей. Отсюда появление термина «монастырские детёныши».

2. Монастырскими детёнышами стали называться и работники, привлечённые по найму для обработки собственной монастырской пашни.

3. Функциями сельскохозяйственных работников обязанности детёнышей не исчерпывались. Среди детёнышей есть и ремесленники и слуги, выполняющие различные поручения монастырской администрации.

4. Монастырским детёнышам соответствуют в светских вотчинах категории работников, привлекаемые на работу либо в виде открытого найма либо в замаскированной форме серебреничества.

¹ Шляпки И. Описание рукописей Псковской архивной комиссии, стр. 11.

² Дьяконов М. Указ. ссч., стр. 311.